

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.2

Реляционная социология Харрисона Уайта и его последователей: к теории социокультурной дуальности

Д. И. Ковалев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: *Ковалев Д. И.* Реляционная социология Харрисона Уайта и его последователей: к теории социокультурной дуальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 3. С. 242–258. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.301>

Статья посвящена обзору истории культурного поворота в анализе социальных сетей. Этот поворот продемонстрировал важность не только социальных, но и культурных структур. С одной стороны, культурные структуры конструируют контекст для социальных взаимодействий. А с другой стороны, социальные сетевые механизмы определяют особенности использования акторами символических форм. Следуя за Харрисоном Уайтом и Джоном Мором, дуальность социальных и культурных сетей можно определить как процесс взаимного конструирования, переплетения социальных и культурных порядков. Стоит особо отметить, что идея Х. Уайта о взаимном конструировании культуры и структуры (концепт « сетевого домена») стала отправным пунктом теоретических и эмпирических дебатов, посвященных проблематике дуальности социальных и культурных сетей. Концепт «сетевой домен» (netdom) связывает между собой и социальные сети (net), и пространство символических форм (dom). Поэтому целью данной работы стало выявление теоретических и методологических аргументов исследователей, подчеркивающих важность процесса взаимного конструирования социальных и культурных структур. В статье подробно разобраны понятия «дуальность» и «реляционная социология». Основная часть работы сосредоточена на рассмотрении идей Х. Уайта и его последователей (Э. Мише, Я. Фузе, Н. Кроссли). В основе реляционной социологии Х. Уайта и его последователей лежит отказ от субстанциализма в пользу процессуальности социального мира, а также критика формалистского сетевого анализа, который заключает культурные содержания социальных связей в скобки. В заключении статьи описываются актуальные темы для будущих исследований, направленных на выявление взаимосвязей между социальными и культурными порядками.

Ключевые слова: реляционная социология, Харрисон Уайт, дуальность, культура, социальные сети.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Введение

Культурный поворот в социологии обозначил важность исследования культуры как независимой переменной (*independent variable*) [1, p. 124]. Институционализация культурного поворота в анализе социальных сетей связана с формированием нью-йоркской школы реляционной социологии, ключевыми представителями которой стали Х. Уайт (H. White), Ч. Тилли (C. Tilly) и М. Эмирбайер (M. Emirbayer). Нью-йоркская школа сфокусировалась на критике традиционного формалистского сетевого анализа, который отводил смысловым содержаниям социальных связей второстепенную роль и концентрировался только на структурных аспектах взаимодействий [2, p. 81].

Представители нью-йоркской школы реляционной социологии выступили за необходимость изучения не только социальных, но и культурных структур [3–5]. В рамках данной работы постараемся разобраться в аргументах сторонников реляционной социологии, выступающих за исследование дуальности социальных и культурных сетей.

Но перед тем как перейти к обзору теоретических направлений (реляционной социологии Х. Уайта и его последователей), остановимся на определении основных понятий статьи: «дуальность» и «реляционная социология».

Что такое дуальность?

В рамках культурного поворота сетевого анализа исследователи подчеркивают важность не только структуры, формирующей символическое, но и культуры, «конструирующей социальное» [1, p. 125]. И ключевую роль в развитии идеи о взаимосвязи между структурой и культурой сыграло понятие «дуальность».

Дуальность в анализе социальных сетей и реляционной социологии Х. Уайта понимается как процесс взаимного конструирования между институциональными порядками «А» и «Б». В рамках институциональных порядков «А» и «Б» могут выделяться индивиды и рабочие места, индивиды и группы, социальные и символические отношения.

В целом развитие идеи дуальности можно проследить от Б. Спинозы (B. Spinoza) к Г. Зиммелю (G. Simmel), от Зиммеля — к символическому интеракционизму, а от символического интеракционизма — к анализу социальных сетей и реляционной социологии Х. Уайта [6].

Так, Б. Спиноза, преодолевая картезианский дуализм разума и тела, утверждает, что «вещь протяженная и вещь мыслящая составляют атрибуты Бога» [7, с. 263]. Дуальность монизма Спинозы заключается в том, что два мира (тело и разум) являются «двумя сторонами одной медали» [8, p. 19].

Как отмечает Р. Брайгер (R. Breiger), фундаментальное различие формы и содержания в формальной социологии Г. Зиммеля тесно связано с дуальностью Спинозы, так как для Зиммеля форма взаимодействия может быть только аналитически абстрагирована от содержания (целей, мотивов) этого взаимодействия [9, p. 260]. В этой связи С. Мютцель (S. Mützel) и Л. Крессин (L. Kressin) обосновывают важность одновременного прочтения формальной социологии и философии культуры Зиммеля. С одной стороны, идеи Зиммеля о диаде и триаде, а также о социальных

кругах оказали непосредственное влияние на анализ социальных сетей. С другой стороны, философские идеи Зиммеля о культуре и содержании социальных взаимодействий повлияли на символический интеракционизм [10, p. 218].

Символический интеракционизм, опираясь на идеи Зиммеля, обратился к изучению роли символов и значений в конструировании идентичностей акторов. И здесь интерпретация становится центральным процессом, конструирующим социальные взаимодействия. Поэтому идеи интеракционистов были активно использованы такими культуральными сетевыми теоретиками, как Х. Уайт, Э. Мише (A. Mische), Я. Фузе (J. Fuhse) и Н. Кроссли (N. Crossley).

Также важно отметить, что в рамках анализа социальных сетей большое влияние на развитие идей структурной и культурной дуальности оказал Р. Брайгер. Формализуя идею Зиммеля о пересечении индивидами различных социальных кругов, он объединил двумодальные сети индивидов и групп в одномодальные. То есть индивиды связаны друг с другом посредством общего членства в группе, а группы связаны между собой наличием общих членов [11, p. 181–182]. Далее Брайгер и его коллеги делают важный ход — распространяют идею структурной дуальности на анализ культуры. По аналогии со структурными дырами (structural holes) и слабыми связями (weak ties) были сформулированы концепты культурных дыр (cultural holes) и слабой культуры (weak culture), а также получил развитие многоуровневый сетевой анализ [12–14]. Благодаря этим событиям в исследованиях сетевого анализа становится актуальной тема социокультурной дуальности.

Что такое реляционная социология?

Сразу стоит отметить, что реляционная социология (от англ. relational — отношенческий) не представляет единую и гомогенную теоретическую перспективу. Сам термин «реляционная социология» на первый взгляд кажется абсурдным. На что направлена реляционная социология, если еще классики социологии (К. Маркс (K. Marx), Г. Зиммель, М. Вебер (M. Weber)) отмечали важность изучения социальных отношений? Почему необходимо говорить именно о реляционной, а не просто о социологии? Чтобы разобраться в этих вопросах, постараемся выделить существующие версии реляционной социологии и определить их концептуальное содержание.

Так, можно обозначить три версии реляционной социологии: вокруг П. Донати (P. Donati), вокруг М. Эмирбайера и вокруг Х. Уайта (см. табл.).

Впервые термин «реляционная социология» использовал итальянский социолог П. Донати [15]. Опираясь на критический реализм Р. Бхаскара (R. Bhaskar), он сформулировал перспективу реляционной социологии. Задача социологии состоит в том, чтобы рассматривать социальные отношения как «онтологическую и эпистемологическую отправную точку исследований» [16, p. 17]. Донати утверждает, что социальные отношения являются эмерджентными эффектами взаимодействий двух рефлексивных акторов. И эти социальные отношения становятся для акторов реальностью *sui generis* [17, с. 20]. В своей теории Донати опирается и на реализм Э. Дюркгейма (E. Durkheim), и на номинализм М. Вебера. Также Донати совместно с М. Арчер (M. Archer) исследует динамику внутреннего содержания социальных отношений через процессы морфостазиса/морфогенеза [18; 19].

Таблица. Три версии реляционной социологии

Версия	Представители	Основные идеи
Реляционная социология вокруг П. Донати	Критический реализм: М. Арчер, Д. Порпора (D. Porpora)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Социальные отношения — это реальность <i>sui generis</i>. 2. Социальные отношения являются эмерджентными эффектами взаимодействий двух рефлексивных акторов. 3. Динамика социальных отношений должна изучаться в рамках морфостатического/морфогенетического процесса
Реляционная социология вокруг М. Эмирбайера	Прагматизм: Ф. Депельто (F. Dépelteau), К. Пауэлл (C. Powell)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Социальные отношения — это динамичные процессы (транзакции). 2. Отвергается каузальная сила социальных и культурных структур. 3. В транзакциях участвуют как человеческие, так и не-человеческие актанты
Реляционная социология вокруг Х. Уайта	Анализ социальных сетей: Э. Мише, Я. Фузе, Н. Кроссли	<ol style="list-style-type: none"> 1. Социальные и культурные структуры дуальны. 2. Утверждается процессуальность и динамичность социальных и культурных структур. 3. Тесная связь с эмпирическими сетевыми исследованиями

Но наибольшую популярность реляционная социология получила благодаря «Манифесту реляционной социологии» М. Эмирбайера. В этой работе он, опираясь на прагматизм Дж. Дьюи (J. Dewey) и А. Бентли (A. Bentley) и критикуя субстанциализм, представил реляционную теоретическую перспективу. В реляционной перспективе транзакции становятся первичной единицей социологического анализа [20, р. 287]. Понятие транзакции Эмирбайер заимствовал у Дьюи и Бентли. Прагматисты Дьюи и Бентли обозначили транзакцию (transaction) как «систему описания, которая при рассмотрении действий не отсылает наблюдателя к элементам этих действий» [21, р. 108], то есть понятие транзакции у прагматистов отражает приоритет целого над частью. Сам Эмирбайер отождествил транзакции с процессуальными и непрерывными отношениями [20, р. 289].

Идеи Эмирбайера о процессуальности социального мира были развиты Ф. Депельто и К. Пауэллом, которые предложили радикальный вариант реляционной социологии. Исследователи отвергают каузальную силу любых социальных и культурных структур и редуцируют все социальные организации к процессам [22]. Депельто, следуя за принципом симметрии Б. Латура (B. Latour), также подчеркивает равную возможность не-человеческих и человеческих актантов участвовать в реляционных процессах [23, р. 54].

Реляционная социология вокруг Х. Уайта наиболее тесно связана с эмпирическими сетевыми исследованиями. Группа исследователей, следующих за Уайтом, фокусируется на изучении дуальности социальных и семантических сетей. Данная версия реляционной социологии также обосновывает процессуальный и динамичный характер социального мира [24, р. 271–272].

Таким образом, все три версии реляционной социологии имеют разные интеллектуальные традиции и концептуальные содержания, но объединяет их одно —

критика субстанциализма и эссенциализма. Реляционные социологи в своих исследованиях отдают приоритет социальным отношениям, процессам, сетям как промежуточным уровням между индивидом и обществом.

В целом, если рассматривать место этих теоретических проектов в современном социологическом знании, то следует отметить их соответствие с такой чертой современного теоретического движения в социологии, как реляционизм. Сам реляционизм стремится «выработать новую онтологию социального, акцентирующую решающую роль отношений в конструировании и поддержании социальной реальности» [25, с. 60]. В этой связи исследователи обращают внимание на сходство между реляционной социологией и акторно-сетевой теорией [26; 27]. И реляционная социология в своих трех версиях, и акторно-сетевая теория (АСТ) фокусируются на исследовании динамичных сетей отношений и взаимодействий. Но тем не менее необходимо принять во внимание тот факт, что только реляционная социология вокруг М. Эмирбайера полностью принимает программу АСТ. В свою очередь реляционные социологи вокруг П. Донати и Х. Уайта отвергают агентность не-человеческих объектов.

Далее в статье будет рассмотрена реляционная социология Х. Уайта и его последователей, а теоретические аргументы П. Донати, М. Эмирбайера и Ф. Деспельто послужат инструментами критического анализа.

Реляционная социология Х. Уайта

Харрисон Уайт — одна из центральных фигур в анализе социальных сетей. Уайт внес значительный вклад в развитие как формалистского, так и реляционного (реляционистского) сетевого анализа. Если в области формалистского сетевого анализа он известен своими работами по категориальным сетям, блочному моделированию и структурной эквивалентности, то его реляционный сетевой анализ направлен на исследование процессов социокультурной дуальности [28, p. 223].

В рамках различия формалистского (1960–1980-е гг.) и реляционного (1990–2000-е гг.) периодов исследовательского творчества Уайта интересно обратить внимание на его полемику с С. Бринтом (S. Brint). Так, Бринт критикует Уайта за радикальный структурализм и утверждает, что блочное моделирование¹ и структурная эквивалентность маргинализируют культуру [30, p. 195]. Уайт, отвечая на критику Бринта, указывает, что категориальные сети и структурная эквивалентность сыграли важную роль в осмыслении значимости культурного содержания социальных структур. И именно концепт категориальных сетей стал толчком к развитию концепта сетевого домена [31, p. 210–211].

Возникновение реляционного сетевого анализа связано с публикацией работы «Идентичность и контроль»². По замыслу Уайта, данная работа направлена на разрешение таких классических дихотомий, как структура/агентность, структу-

¹ «Блокмоделинг нацелен на выделение кластеров узлов в сети на основании их сходства по структурным характеристикам и определении отношений между полученными кластерами» [29, с. 13].

² Стоит выделить первое (1992 г.) и второе издания (2008 г.). Если в первом издании Уайт сконцентрировался на дисциплинах (макроструктурах) как «социальных молекулах» [32, p. 22], обеспечивающих социальный порядок, то во втором на первый план выходит тема динамики социальных и культурных связей между идентичностями (микроуровень).

ра/культура [3; 33]. Соответственно, для разрешения этих дихотомий Уайт вводит три концепта: идентичность (identity), контроль (control) и неопределенность (uncertainty). Основной акцент в статье будет сделан именно на этих концептах, поскольку они являются наиболее разработанными и составляют сердцевину теоретического проекта Уайта.

Соотношение между концептами «идентичность» и «контроль» можно рассматривать как дуальность агентности и структуры Э. Гидденса (A. Giddens) [34]. Уайт критикует как индивидуалистские, так и холистические подходы. Однобокость данных подходов выражается в том, что индивидуализм все социальные процессы редуцирует к поведению рациональных индивидов, а холизм выводит на первый план общество. Для решения дихотомии агентности и структуры Уайт формулирует теорию дуальности идентичности и контроля [3, p. 14–15]. В этой связи интересно упомянуть, что Уайт рассматривает идею личности (person) через концепт стиля (style) [3, p. 127]. Стили — это закономерности взаимного наблюдения между акторами [35, p. 42]. В социальных сетях стили вырабатываются в результате длительного вербального и невербального взаимодействия акторов, и благодаря этому у них формируется общий паттерн поведения (например, стили художников-импрессионистов; стили исследователей, применяющих методологию анализа социальных сетей). Аргумент Уайта состоит в том, что личность — это результат социального взаимодействия, а не ранее существовавшая субстанция.

Для Уайта идентичность — это «любая сущность, которой наблюдатели могут атрибутировать смысл, необъяснимый с точки зрения биофизических закономерностей» [3, p. 2]. С одной стороны, такое широкое определение позволяет обратить внимание и на индивидуальных, и на коллективных акторов, а с другой — сосредоточиться на коммуникативной и интерпретативной составляющей взаимодействия (наблюдатели атрибутируют смыслы). Контроль Уайт связывает с усилиями одной идентичности по «поиску социальной опоры среди других идентичностей» [33, p. 240]. Эти социальные опоры обеспечивают укоренение акторов в социальных сетях. Социальные сети позволяют актерам маневрировать между потоками неопределенности. Поэтому в духе сетевого анализа идентичности можно определить как узлы, а контроль — как связи между узлами.

Дуальность между идентичностью и контролем проявляется в том, что идентичность не может обходиться без контроля, но и контроль невозможен без идентичности. Идентичности — источники контроля, а контроль позволяет этим идентичностям редуцировать неопределенность социального мира. При этом контроль не только укрепляет позиции акторов в сети, но и создает ситуации неопределенности.

Далее Уайт для преодоления дихотомии структуры и культуры формулирует концепт сетевого домена (netdom). Этот концепт отсылает и к социальному (net), и к символическому (dom). Net включает контроль, социальную сеть, а dom — совокупность историй, смыслов, символов. Поэтому сетевой домен можно определить как символическое пространство взаимных усилий идентичностей по контролю над неопределенностью [3, p. 7]. Уайт приводит следующие примеры сетевых доменов: детская площадка, школа, дом.

Переплетение структуры и культуры в сетевых доменах происходит следующим образом: для укрепления позиции в социальной сети одни идентичности с по-

мощью рассказывания историй пытаются навязать определения ситуаций другим идентичностям³. Поэтому интерпретация становится центральным процессом, конструирующим социальные сети. В процессе коммуникации акторы активно интерпретируют смыслы и истории, и это позволяет им сформировать определенные ожидания относительно поведения друг друга [3; 36].

Уайт позиционирует сетевые домены как локальные пространства сетей и смысла, поэтому в поисках социальных опор идентичности активно переключаются между этими социокультурными контекстами. Переключение (switching) означает процесс образования смыслов в результате перехода идентичностей из одного сетевого домена в другой [3, p. 11–12]. По итогам этого переключения одни акторы могут как расцеплять, так и сцеплять связи с другими. Известный пример Уайта об интернет-форуме, где выход из учетной записи является расцеплением (decoupling), а вход — сцеплением (coupling) [3, p. 36].

Стоит заметить, что Уайт концептуализирует процесс смыслообразования в духе Н. Лумана (N. Luhmann)⁴. Смыслы социальных связей возникают «только с контрастом и из него» [3, p. 12], то есть переключение между локальными контекстами позволяет идентичностям редуцировать неопределенность с помощью использования новых смыслов и связей. Хотя, конечно, эти новые смыслы и связи являются частью институциональной среды.

При этом Уайт критикует Лумана за редукцию коммуникации к диадической модели. Для более полного понимания коммуникативных процессов нельзя ограничиваться взаимодействием только Ego и Alter, так как социальная сеть может состоять более чем из двух участников. Поэтому необходимо говорить уже не столько о двойной, сколько о множественной контингентности (multiple contingency), включающей большое количество акторов [38, p. 546].

В целом концепт переключения имеет слабо разработанный характер (как, впрочем, и большинство концептов Уайта). Так, Я. Фузе указывает, что фокус на постоянных и динамичных переключениях затрудняет наблюдение макроструктур и «инертных социальных констелляций» [16, p. 270].

Переходя к теме динамики социальных сетей в теоретическом проекте Уайта, необходимо обратить внимание на концепт неопределенности. Следуя за Н. Луманом, Уайт подчеркивает, что социальный мир — это хаос и неопределенность. В современном мире человек вынужден взаимодействовать с различными индивидуальными и коллективными акторами. И эти множественные акторы, имея свои собственные смыслы и роли, создают ситуации неопределенности.

Уайт выделяет три формы неопределенности⁵:

1. Культурная неопределенность (ambiguity) — это неясность значений и трудность интерпретации действий акторов [40, p. 151–152]. Акторы для укрепления

³ Можно отметить влияние Ч. Тилли на Уайта относительно признания важности нарративов и историй в социальном мире. У Тилли именно истории (stories) конструируют социальные связи акторов [4, p. 28].

⁴ У Лумана смыслообразование отсылает к процессу «актуализации возможностей» [37, с. 234].

⁵ По Г. Азарян (G. Azarian), модусы контроля [39, p. 69]. Также интересно заметить, что уайтовская классификация трех форм неопределенности во многом сходна с тремя измерениями смысла Лумана. Так, у Лумана предметное измерение связано с тематикой коммуникации, социальное измерение — с горизонтами Ego и Alter, а временное измерение — с горизонтами прошлого и будущего [37, с. 117–124].

своих позиций могут активно манипулировать значениями своих социальных связей и создавать двусмысленности.

2. Социальная неопределенность (*ambage*⁶) — это неясность социальных ролей акторов [40, p. 151–152]. Так, появление новых идентичностей создает неопределенность для укорененных акторов, которые ожидают исполнения социальной роли в их сети.

3. Контингентность (*contingency*) — это «вероятность выживания идентичности» [40, p. 151–152]. На увеличение/уменьшение контингентности влияют биофизические факторы (болезни, стихийные бедствия).

В социальных взаимодействиях акторы могут реализовать стратегии контроля, направленные на одновременное увеличение как культурной, так и социальной неопределенности. Но в такой же степени проекты контроля могут быть направлены на повышение только одной неопределенности. При этом контингентность преимущественно позиционируется как внешний биофизический фактор по отношению к культурным и социальным сетям.

Признавая важность динамичности социальных сетей, Уайт все же не принимает радикальную процессуальную позицию и обращается к концептуализации таких макроструктур, как дисциплины (*disciplines*), институты (*institutions*), режимы контроля (*regimes of control*). Но эти концепты у Уайта чрезвычайно абстрактны, а потому они не оказали значительного влияния на последующие теоретические и эмпирические исследования в сетевом анализе [41]. Также ввиду ограниченности объема работы эти концепты не будут разобраны в рамках текущей статьи.

Обобщая анализ теоретического проекта Уайта, мы можем отметить, что из всех перечисленных идей наибольшее влияние на теоретическое и методологическое развитие сетевого анализа оказал концепт «сетевой домен». Поскольку именно в этом концепте содержится основной теоретический аргумент Уайта — социокультурная дуальность.

Если определять место теоретического направления Уайта в современной социологии, то это направление следует отнести к интегративным теориям, которые обосновывают дуальность структуры и действия, а также структуры и культуры. Так, в «Идентичности и контроле» Уайт признает сильное влияние на его мысль теории поля П. Бурдьё (P. Bourdieu) и теории структуризации Э. Гидденса [3, p. 282]. Но, в отличие от Бурдьё и Гидденса, Уайт стремится связать свою теорию с эмпирическими сетевыми исследованиями, а также поместить в центр своей теории понятие сети. Так, в своих выступлениях и интервью Уайт неоднократно отмечал, что его теоретический проект, изложенный в «Идентичности и контроле», непосредственно вытекает из результатов разработки метода блочного моделирования в области сетевого анализа [41, S. 178–179]. Поэтому знакомство с теорией Уайта стоит начинать прежде всего с его ранних формалистских и математических работ, которые эволюционировали в конструктивистский проект реляционной социологии. Это, в свою очередь, позволяет отнести реляционную социологию Х. Уайта к сетевому подходу.

Сетевой подход в структуре современного социологического знания определяется как «собирательное название ряда теорий и теоретических подходов, опе-

⁶ Слово «*ambage*» имеет значение не прямых и окольных путей [3, p. 57].

рирующих понятием сети в различных объяснительных целях» [27, с. 12]. Соответственно, в рамках сетевого подхода можно выделить направление традиционного анализа социальных сетей (формалистского сетевого анализа) и реляционной социологии (реляционистского сетевого анализа). Если традиционный анализ социальных сетей имеет достаточно структуралистский и объективистский характер, то реляционистский сетевой анализ с его культуральной и конструктивистской теоретической программой признает важность не только количественных, но и качественных методов сбора и анализа данных. Так, в рамках реляционистского сетевого анализа получили развитие методологические движения за смешанные методы и качественный сетевой анализ [42].

Реляционная социология вокруг Х. Уайта

В данном разделе статьи будет представлен анализ теоретических проектов последователей Харрисона Уайта. На данный момент именно такие последователи Уайта, как Э. Мише, Я. Фузе и Н. Кроссли, продолжают концептуальное и методологическое развитие теоретического проекта реляционной социологии в сетевом анализе.

Так, Энн Мише, опираясь на результаты своего эмпирического исследования бразильских молодежных движений, сформулировала реляционистское определение понятия «общественное движение». Для Мише общественное движение представляет собой социальную организацию, которая состоит из активного социального и символического взаимодействия между различными акторами [43, р. 306]. Соответственно, идентичности участников общественного движения складываются в результате интеракции с различными группами акторов (партиями, движениями, профессиональными и религиозными организациями) [44, р. 48]. И эта множественная идентичность позволяет активистам занимать ключевые позиции в сети движения, поскольку дает возможность, с одной стороны, создавать социальную и культурную неопределенность, а с другой — извлекать пользу из структурных дыр и позиций брокера в сети.

Ян Фузе играет ключевую роль в развитии и распространении идей Харрисона Уайта в Европе. Я. Фузе и С. Мютцель были организаторами международного симпозиума, посвященного реляционной социологии (25–26 сентября 2008 г., Берлин). В этом симпозиуме приняли участие Х. Уайт, С. Фукс (S. Fuhcs), Э. Мише, Дж. Л. Мартин (J. L. Martin)⁷.

Опираясь на идеи Х. Уайта, Ч. Тилли и Н. Лумана, Фузе обосновывает концепцию трехуровневой сетевой констелляции:

1. Коммуникативные события как сети. Следуя за идеей Лумана о самореферентности коммуникации [37, с. 199], Фузе определяет коммуникацию как сеть рекурсивных микрособытий. Теория Лумана интересна для Фузе тем, что, во-первых, позволяет обратить внимание на процессуальные аспекты социального мира. Во-вторых, исключение Луманом психических систем из теоретической модели позволяет непосредственно сфокусироваться на коммуникации и социальной структуре. Так, научная коммуникация может быть рассмотрена как рекурсивная сеть

⁷ Relational Sociology: Transatlantic Impulses for the Social Sciences. URL: <http://www.relational-sociology.de/> (дата обращения: 23.10.2022).

цитирований, где новые публикации связаны с ранее опубликованными работами [16, p. 256]. То есть публикации рассматриваются как события, которые связываются между собой отношением цитирования. Также Фузе подчеркивает, что коммуникация играет важную роль в сетях, поскольку упорядочивает смысловые содержания и определяет социальные ожидания акторов (например, ожидания ученых относительно деятельности друг друга, исходя из научных интересов и опубликованных работ).

При этом концептуализация коммуникации как сети событий у Фузе представлена на низком уровне, поскольку он не проясняет, как могут быть определены данные коммуникативные сети в поле политики, экономики, а не только в поле науки.

2. Социальная сеть между акторами. Здесь социальные взаимоотношения (сети) формируются в результате атрибутирования ролей акторам. В духе М. Вебера социальная структура для Фузе связана с ожиданиями относительно поведения акторов. Также Фузе подчеркивает, что социальные взаимоотношения наполнены смыслами, которые формируются и развиваются в коммуникации [16, p. 256]. В основе коммуникативных смыслов лежит «определение ситуации» [45]. Например, фреймы любви, дружбы, вражды имеют свои собственные ожидания, которые формируются у акторов во взаимодействии [16, p. 159–160]. Поэтому формалистский сетевой анализ с его бинарностью отношений редуцирует все символическое и смысловое многообразие социального мира к нулю и единице.

3. Культурный контекст социальных сетей определяется как смысловая структура / культурная сеть⁸. Смысловая структура, являющаяся частью более широкой институциональной среды, включает социальные категории (этничность, пол) и роли (врач и пациент, студент и преподаватель, жена и муж, продавец и покупатель и пр.). Какова роль данных смысловых структур в социальных взаимодействиях? Они позволяют акторам редуцировать неопределенность социального мира, а также определять ожидания относительно поведения друг друга [16, p. 257].

Далее, подхватывая аргументы из неинституциональной теории П. ДиМаджио (P. DiMaggio), Фузе стремится выявить особенности сетевых механизмов в различных полях общества (политики, экономики, науки). Неинституционализм и теория поля позволяют обратить внимание на то, как институты в полях определяют поведение акторов в сети. Фузе утверждает, что такие сетевые механизмы, как гомофилия (homophily), реципрокность (reciprocity), транзитивность (transitivity), имеют свои отличительные особенности в различных социокультурных контекстах. И для эмпирического изучения этих механизмов в социальных полях общества необходимо обратиться к статистическому моделированию: экспоненциальным моделям случайных графов (exponential random graph models). Они позволяют количественно анализировать конфигурацию сети в различных социокультурных контекстах [46]. Также в рамках эмпирических исследований интересно отметить работу Я. Фузе, О. Стухлера (O. Stuhler), Я. Риблинга (J. Riebling), Дж. Л. Мартина. Опираясь на аргументы реляционной социологии Уайта, исследователи изучили с помощью тематического моделирования, сетевого анализа, анализа главных компонент структуры взаимодействия между соци-

⁸ В данном случае культурная сеть понимается как сеть между концептами (словами) акторов [14].

альными и символическими отношениями парламентских политических партий во времена Веймарской республики [47].

Ник Кроссли в своей реляционной теории определяет социальные отношения как процессуальные феномены. Социальные структуры есть результаты длительных и динамичных взаимодействий между рефлексивными акторами. И в этих взаимодействиях акторы конструируют идентичности друг друга с помощью значений и символов [48; 49]. Как подчеркивает Кроссли, взаимодействия — это не отношения, поскольку взаимодействия краткосрочны, а отношения постоянны и длительны, так как обладают «эмерджентными свойствами» [48, р. 7]. В своих исследованиях Кроссли активно использует методологию анализа социальных сетей. Например, анализирует сети ключевых акторов в музыкальной среде Великобритании [48, р. 10].

Также стоит отметить, что по сравнению со скептической позицией Х. Уайта и Я. Фузе, Кроссли не отказывается от признания важной роли рефлексивных индивидов в конструировании социальных сетей. Опираясь на прагматизм М. Мерло-Понти (M. Merleau-Ponty), он отмечает, что сознание — это не субстанция, а отношение, которое связывает объекты между собой [48, р. 6].

Итак, обзор теоретических проектов последователей Х. Уайта позволяет сделать следующие выводы: во-первых, все представители реляционной социологии Х. Уайта для подтверждения своих теоретических построений активно обращаются к эмпирическим сетевым исследованиям. Во-вторых, обосновывают процессуальность и реляционность социального мира. Наконец, отмечают значимую роль культурного контекста в формировании социальных структур. Основные разногласия между представителями реляционной социологии Х. Уайта связаны с определением позиции индивидов в социальном мире. Следуя за Луманом, Фузе аналитически абстрагирует индивидов из своего теоретического проекта и фокусируется на коммуникации. А Мише и Кроссли, наоборот, подчеркивают значимость индивидов в конструировании социальных структур.

Критика реляционной социологии Х. Уайта и его последователей

Основная критика теории Х. Уайта и его последователей исходит от П. Донати и Ф. Деспельто.

Основные тезисы критики П. Донати:

- теоретические проекты Х. Уайта и его последователей являются чрезмерно конструктивистскими и не позволяют обнаружить объективную реальность социальных отношений [17, с. 24];
- Х. Уайт все действия идентичностей ограничивает инструментальной редукцией неопределенности и контролем над другими идентичностями. Весь социальный мир приобретает характер борьбы за личный интерес [50, р. 174];
- Х. Уайт со своим фокусом на социальных связях и сетях игнорирует интенциональные аспекты деятельности. Уайт мало говорит о факторах, обуславливающих контроль идентичностей [50, р. 174];
- представители реляционной социологии Х. Уайта слабо освещают природу социальных отношений, их внутреннюю структуру. Сложная структура социальных отношений редуцируется к процессам [17, с. 18].

Основные тезисы критики Ф. Деспельто:

- Х. Уайт и его сторонники не учитывают важную роль не-человеческих актантов в реляционных процессах [23, p. 62];
- социальные и культурные структуры слишком абстрактны, поэтому они не могут каким-либо образом влиять на индивидов [23, p. 57].

Ответ на тезисы критики П. Донати от представителей реляционной социологии Х. Уайта:

- в рамках конструктивистской оптики упрощения реальности неизбежны, но простые теоретические конструкты могут быть легко применены в эмпирических исследованиях [16, p. 17–18];

- Донати утверждает, что социальные отношения — это эмерджентные эффекты, но он не уточняет, как действия акторов создают эти эффекты [16, p. 17]. У Я. Фузе данные эффекты связаны с коммуникативными процессами, которые формируют ожидания акторов относительно поведения друг друга;

- анализ социальных отношений Донати ограничивает диадой в семье, некоммерческой ассоциации, локальном сообществе. При этом для изучения социальных отношений он даже не подключает инструментарий сетевого анализа [16, p. 17].

Ответ на тезисы критики Ф. Деспельто от представителей реляционной социологии Х. Уайта: Деспельто, следуя за принципом симметрии Б. Латура, не разграничивает виды отношений. Если в рамках социальных отношений возникают ожидания людей относительно поведения друг друга, и эти ожидания можно эмпирически зафиксировать, то в рамках материальных отношений у объектов не возникают ожидания относительно других объектов или людей [16, p. 20; 48].

Заключение

Данная статья была посвящена обзору теоретических направлений в сетевом анализе, концептуализирующих механизмы социокультурной дуальности. Ключевую роль в развитии концепта дуальности структуры и культуры сыграл Харрисон Уайт. Именно Уайт, критикуя формалистский сетевой анализ, предложил интегративную теорию реляционной социологии, обосновывающую дуальность социальных и культурных сетей. При этом нельзя сказать, что он предлагает банальную интегративную теорию, поскольку, во-первых, стремится опровергнуть тезис об отсутствии теории в сетевом анализе [16, p. 8]. Во-вторых, Уайт в центр своей интегративной теории помещает понятие сети, а это, в свою очередь, позволяет связать теорию с методологией. Хотя Уайт зачастую и придумывает абстрактные концепции с несколько произвольными названиями (режимы контроля, профили контроля, отжиг из металлургии и т. д.), но у него всегда присутствует ориентация на эмпирическое приложение сформулированных концептов в рамках сетевого анализа. Например, концепт «сетевой домен» дал толчок развитию методологии социосемантического сетевого анализа [14].

В настоящее время в сетевом анализе происходит активное теоретическое и методологическое развитие идей Харрисона Уайта. Теоретическое развитие связано с тем, что исследователи проясняют и концептуализируют дуальность в сложных сетевых констелляциях, включающих и коммуникативные, и социальные, и семантические сети. В области методологии изучения механизмов дуальности

социальных и культурных сетей исследователи обращаются к социосемантическому сетевому анализу, тематическому моделированию, методу главных компонент, анализу соответствий, экспоненциальным моделям случайных графов.

Наконец, для исследовательской рефлексии важно сформулировать наиболее актуальные и дискуссионные темы в рамках реляционной социологии Х. Уайта и его последователей:

- наиболее актуальной проблемой является концептуализация взаимосвязи между сетями и макроструктурами (полями, функциональными подсистемами). Остается открытым следующий вопрос: «Как мы должны концептуализировать роль социальных сетей в макроструктурах и, наоборот, влияние этих макроструктур на сети?» [16, p. 289];

- также представляет большой интерес проблема определения механизмов совместной динамики социальных и культурных структур. Уайтовские формы неопределенности хотя и затрагивают проблематику коэволюции социальных и семантических сетей, тем не менее они остаются достаточно абстрактными и трудно операционализируемыми;

- релевантна ли методология анализа социальных сетей для изучения культурных/семантических сетей? Например, метрика степени центральности в социальных сетях указывает на важность позиции актора, но в семантических сетях высокую степень центральности могут иметь стоп-слова (союзы, предлоги, междометия) [14];

- если реляционная социология Х. Уайта и его последователей отходит от лагуновских аргументов о симметрии человеческих и не-человеческих актантов, то как стоит концептуализировать семантические сети (сети между концептами, высказываниями)? [35, p. 45].

Перспективным направлением в сетевом анализе является область смешанных методов, которая может дать ответы на поставленные вопросы. Именно смешение методов позволяет повысить теоретический и методологический потенциал сетевого анализа, посмотреть на предметную область сетевого анализа с различных исследовательских ракурсов как качественных, так и количественных методов. Например, реляционную социологию Х. Уайта можно связать с теорией поля П. Бурдьё через анализ соответствий. С одной стороны, сетевой анализ выявит социальные и семантические сети акторов на микроуровне, а с другой — анализ соответствий расположит данных акторов в рамках пространства социального поля. Данное смешение методов позволит не только связать сетевую теорию и теорию поля, но и решить проблему микро/макро в сетевом анализе.

Литература

1. *Mohr J., Rawlings C.* Formal models of culture // *A Handbook of Cultural Sociology* / J. Hall, L. Grindstaff, M.-C. Lo (eds). London: Routledge, 2010. P. 118–128.
2. *Mische A.* Relational Sociology, Culture, and Agency // *The Sage Handbook of Social Network Analysis* / J. Scott, P. Carrington (eds). London: Sage, 2011. P. 80–97.
3. *White H. C.* Identity and Control: How Social Formations Emerge. Princeton: Princeton University Press, 2008.
4. *Tilly C.* Explaining Social Processes. Boulder: Paradigm, 2008.
5. *Emirbayer M.* The Alexander school of cultural sociology // *Thesis Eleven*. 2004. No. 79. P. 5–15.

6. Mützel S., Breiger R. Duality beyond persons and groups // *The Oxford Handbook of Social Networks* / R. Light, J. Moody (eds). Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 392–413.
7. Спиноза Б. Сочинения: в 2 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1999.
8. Lee M., Martin J. L. Doorway to the dharma of duality // *Poetics*. 2018. Vol. 68. P. 18–30.
9. Breiger R. Baruch Spinoza: Monism and complementarity // *Sociological insights of great thinkers: Sociology through Literature, Philosophy, and Science* / C. Edling, J. Rydgren (eds). Santa Barbara: Praeger, 2011. P. 255–262.
10. Mützel S., Kressin L. From Simmel to relational sociology // *The Handbook of Classical Sociological Theory* / S. Abrutyn, O. Lizardo (eds). Cham: Springer, 2020. P. 217–238.
11. Breiger R. The duality of persons and groups // *Social Forces*. 1974. Vol. 53, no. 2. P. 181–190.
12. Schultz J., Breiger R. The strength of weak culture // *Poetics*. 2010. Vol. 38, no. 6. P. 610–624.
13. Breiger R. Dualities of culture and structure: Seeing through cultural holes // *Relationale Soziologie* / J. Fuhse, S. Mützel (eds). Wiesbaden: VS Verlag, 2010. P. 37–47.
14. Basov N., Breiger R., Hellsten I. Socio-semantic and other dualities // *Poetics*. 2020. Vol. 78. Art. 101433.
15. Donati P. *Introduzione alla sociologia relazionale*. Milano: FrancoAngeli, 1983.
16. Fuhse J. *Social networks of meaning and communication*. New York: Oxford University Press, 2021.
17. Донати П. *Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма*. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019.
18. Donati P., Archer M. *The Relational Subject*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
19. Porpora D. Critical realism as relational sociology // *The Palgrave Handbook of Relational Sociology* / F. Dépelteau (ed.). New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. 413–429.
20. Emirbayer M. Manifesto for a relational sociology // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 103, no. 2. P. 281–317.
21. Dewey J., Bentley A. *Knowing and the Known*. Boston: Beacon Press, 1949.
22. Dépelteau F., Powell C. (eds). *Applying Relational Sociology*. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
23. Dépelteau F. Relational Sociology, Pragmatism, Transactions and Social Fields // *International Review of Sociology*. 2015. Vol. 25, no. 1. P. 45–64.
24. Erikson E. Relationalism and social networks // *The Palgrave Handbook of Relational Sociology* / F. Dépelteau (ed.). New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. 271–287.
25. Ерофеева М. А. О возможности акторно-сетевой теории действия // *Социология власти*. 2015. Т. 27, № 4. С. 51–71.
26. Mützel S. Networks as culturally constituted processes: A comparison of relational sociology and actor-network theory // *Current Sociology*. 2009. Vol. 57, no. 6. P. 871–887.
27. Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // *Социологические исследования*. 2018. № 4. С. 3–14.
28. Erikson E. Formalist and relationalist theory in social network analysis // *Sociological Theory*. 2013. Vol. 31, no. 3. P. 219–242.
29. Щеглова Т. Е., Мальцева Д. В., Ким А. В. Блокмоделинг для анализа социальных структур: методологические основания // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М)*. 2021. № 52. С. 7–35.
30. Brint S. Hidden meanings: Cultural content and context in Harrison White's structural sociology // *Sociological Theory*. 1992. Vol. 10, no. 2. P. 194–208.
31. White H. C. Social grammar from culture: Reply to Steven Brint // *Sociological Theory*. 1992. Vol. 10, no. 2. P. 209–213.
32. White H. C. *Identity and Control: Towards a Structural Theory of Action*. Princeton: Princeton University Press, 1992.
33. Fontdevila J. Switching among Netdoms: The relational sociology of Harrison C. White // *The Palgrave Handbook of Relational Sociology* / F. Dépelteau (ed.). New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. 231–269.
34. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press, 1984.
35. Fuhse J. Theories of Social Networks // *The Oxford Handbook of Social Networks* / R. Light, J. Moody (eds). Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 34–49.
36. Mead G. H. *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago: Chicago University Press, 1934.
37. Луман Н. *Социальные системы*. СПб.: Наука, 2007.

38. White H. C., Fuhse J., Thiemann M., Buchholz L. Networks and meaning: Styles and switchings // *Soziale Systeme*. 2007. Vol. 13, no. 1–2. P. 534–555.
39. Azarian G. The General Sociology of Harrison C. White: Chaos and Order in Networks. New York: Palgrave Macmillan, 2005.
40. White H. C., Godart F. C., Thiemann M. Turning points and the space of possibles: A relational perspective on the different forms of uncertainty // *Applying Relational Sociology* / F. Dépelteau, C. Powell (eds). New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 137–154.
41. Schmitt M., Fuhse J. Zur Aktualität von Harrison White: Einführung in sein Werk. Wiesbaden: Springer VS, 2015.
42. Ким А. В. Качественный сетевой анализ в стратегии смешивания методов в социальных науках: систематический обзор литературы // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М)*. 2021. Т. 2, № 53. С. 83–116.
43. Diani M., Mische A. Network approaches and social movements // *The Oxford Handbook of Social Movements* / D. Della Porta, M. Diani (eds). Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 306–325.
44. Mische A. Partisan performance: The relational construction of Brazilian youth activist publics // *Social Movement Dynamics: New Perspectives on Theory and Research from Latin America* / M. von Bülow, F. M. Rossi (eds). London: Routledge, 2016. P. 43–71.
45. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Anchor Books, 1959.
46. Fuhse J., Gondal N. Networks from culture: Mechanisms of tie-formation follow institutionalized rules in social fields // *Social Networks*. 2022. (В печати)
47. Fuhse J., Stuhler O., Riebling J., Martin J. L. Relating social and symbolic relations in quantitative text analysis. A study of parliamentary discourse in the Weimar Republic // *Poetics*. 2020. Vol. 78. Art. 101363.
48. Crossley N. Relations-In-Process: In honour of François Dépelteau // *Digithum*. 2020. No. 26. P. 1–14.
49. Crossley N. A dependent structure of interdependence: Structure and agency in relational perspective // *Sociology*. 2021. Vol. 56, no. 1. P. 166–182.
50. Donati P. *Transcending Modernity with Relational Thinking*. London: Routledge, 2021.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2022 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Ковалев Даниил Игоревич — магистрант; dkovalev2301@mail.ru

Relational sociology of Harrison White and his followers: Towards a theory of sociocultural duality

D. I. Kovalev

HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Kovalev D. I. Relational sociology of Harrison White and his followers: Towards a theory of sociocultural duality. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, issue 3, pp. 242–258. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.301> (In Russian)

The paper presents an overview of the history of the cultural turn in social network analysis. The cultural turn has proclaimed the crucial role of not only social but also cultural structures. On the one hand, cultural structures construct a context for social interactions. On the other hand, social network mechanisms determine the features of the use of symbolic forms by actors. According to Harrison White and John Mohr, sociocultural duality can be defined as a process of mutual construction of social and cultural orders. It should be noted that the idea

of White about the mutual construction of culture and structure (the concept of *netdom*) has become a starting point for theoretical and empirical debates on the duality of social and cultural networks. The concept of *network domain* (netdom) includes both social networks (net) and spaces of symbolic forms (dom). Hence, the task of this paper is to identify the theoretical and methodological arguments of researchers emphasising the importance of sociocultural duality. The paper discusses in detail the concepts of *duality* and *relational sociology*. But the main part of the article is focused on the analysis of the relational sociology of Harrison White and his followers (A. Mische, J. Fuhse, N. Crossley). Relational sociology rejects substantialist ideas and, therefore, it is directed to the research of processual social and cultural structures. The final arguments summarise cutting-edge topics for future research on sociocultural duality.

Keywords: relational sociology, Harrison White, duality, culture, social networks.

References

1. Mohr J., Rawlings C. Formal models of culture. *A Handbook of Cultural Sociology*, J. Hall, L. Grindstaff, M.-C. Lo (eds). London, Routledge, 2010, pp. 118–128.
2. Mische A. Relational Sociology, Culture, and Agency. *The Sage Handbook of Social Network Analysis*, J. Scott, P. Carrington (eds). London, Sage, 2011, pp. 80–97.
3. White H. C. *Identity and Control: How Social Formations Emerge*. Princeton, Princeton University Press, 2008.
4. Tilly C. *Explaining Social Processes*. Boulder, Paradigm, 2008.
5. Emirbayer M. The Alexander school of cultural sociology. *Thesis Eleven*, 2004, no. 79, pp. 5–15.
6. Mützel S., Breiger R. Duality beyond persons and groups. *The Oxford Handbook of Social Networks*, R. Light, J. Moody (eds). Oxford, Oxford University Press, 2020, pp. 392–413.
7. Spinoza B. *Essays*, in 2 vols, vol. 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. (In Russian)
8. Lee M., Martin J. L. Doorway to the Dharma of Duality. *Poetics*, 2018, vol. 68, pp. 18–30.
9. Breiger R. Baruch Spinoza: Monism and complementarity. *Sociological insights of great thinkers: Sociology through Literature, Philosophy, and Science*, C. Edling, J. Rydgren (eds). Santa Barbara, Praeger, 2011, pp. 255–262.
10. Mützel S., Kressin L. From Simmel to relational sociology. *The Handbook of Classical Sociological Theory*, S. Abrutyn, O. Lizardo (eds). Cham, Springer, 2020, pp. 217–238.
11. Breiger R. The duality of persons and groups. *Social Forces*, 1974, vol. 53, no. 2, pp. 181–190.
12. Schultz J., Breiger R. The strength of weak culture. *Poetics*, 2010, vol. 38, no. 6, pp. 610–624.
13. Breiger R. Dualities of culture and structure: Seeing through cultural holes. *Relationale Soziologie*, J. Fuhse, S. Mützel (eds). Wiesbaden, VS Verlag, 2010, pp. 37–47.
14. Basov N., Breiger R., Hellsten I. Socio-semantic and other dualities. *Poetics*, 2020, vol. 78, art. 101433.
15. Donati P. *Introduzione alla Sociologia Relazionale*. Milano, FrancoAngeli, 1983.
16. Fuhse J. *Social Networks of Meaning and Communication*. New York, Oxford University Press, 2021.
17. Donati P. *Relational Theory of Society: Social Life from a Perspective of Critical Realism*. Moscow, PSTGU Press, 2019. (In Russian)
18. Donati P., Archer M. *The Relational Subject*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015.
19. Porpora D. Critical realism as relational sociology. *The Palgrave Handbook of Relational Sociology*, F. Dépelteau (ed.). New York, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 413–429.
20. Emirbayer M. Manifesto for a relational sociology. *American Journal of Sociology*, 1997, vol. 103, no. 2, pp. 281–317.
21. Dewey J., Bentley A. *Knowing and the Known*. Boston, Beacon Press, 1949.
22. Dépelteau F., Powell C. (eds). *Applying Relational Sociology*. New York, Palgrave Macmillan, 2013.
23. Dépelteau F. Relational sociology, pragmatism, transactions and social fields. *International Review of Sociology*, 2015, vol. 25, no. 1, pp. 45–64.
24. Erikson E. Relationalism and social networks. *The Palgrave Handbook of Relational Sociology*, F. Dépelteau (ed.). New York, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 271–287.
25. Erofeeva M. A. On the possibility of actor-network theory of action. *Sotsiologiya Vlasti*, 2015, vol. 27, no. 4, pp. 51–71. (In Russian)

26. Mützel S. Networks as culturally constituted processes: A comparison of relational sociology and actor-network theory. *Current Sociology*, 2009, vol. 57, no. 6, pp. 871–887.
27. Maltseva D. V. Network approach as a phenomenon of sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2018, no. 4, pp. 3–14. (In Russian)
28. Erikson E. Formalist and relationalist theory in social network analysis. *Sociological Theory*, 2013, vol. 31, no. 3, pp. 219–242.
29. Shcheglova T. E., Maltseva D. V., Kim A. V. Blockmodeling for analysis of social structures: Theoretical and methodological foundations. *Sotsiologiya: Metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya: 4M)*, 2021, no. 52, pp. 7–35. (In Russian)
30. Brint S. Hidden meanings: Cultural content and context in Harrison White's structural sociology. *Sociological Theory*, 1992, vol. 10, no. 2, pp. 194–208.
31. White H. C. Social grammar from culture: Reply to Steven Brint. *Sociological Theory*, 1992, vol. 10, no. 2, pp. 209–213.
32. White H. C. *Identity and Control: Towards a Structural Theory of Action*. Princeton, Princeton University Press, 1992.
33. Fontdevila J. Switching among Netdoms: The Relational Sociology of Harrison C. White. *The Palgrave Handbook of Relational Sociology*, F. Dépelteau (ed.). New York, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 231–269.
34. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, Polity Press, 1984.
35. Fuhse J. Theories of Social Networks. *The Oxford Handbook of Social Networks*, R. Light, J. Moody (eds). Oxford, Oxford University Press, 2020, pp. 34–49.
36. Mead G. H. *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, Chicago University Press, 1934.
37. Luhmann N. *Social Systems*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. (In Russian)
38. White H. C., Fuhse J., Thiemann M., Buchholz L. Networks and meaning: Styles and switchings. *Soziale Systeme*, 2007, vol. 13, no. 1–2, pp. 534–555.
39. Azarian G. *The General Sociology of Harrison C. White: Chaos and Order in Networks*. New York, Palgrave Macmillan, 2005.
40. White H. C., Godart F. C., Thiemann M. Turning points and the space of possibles: A relational perspective on the different forms of uncertainty. *Applying Relational Sociology*, F. Dépelteau, C. Powell (eds). New York, Palgrave Macmillan, 2013, pp. 137–154.
41. Schmitt M., Fuhse J. *Zur Aktualität von Harrison White: Einführung in sein Werk*. Wiesbaden, Springer VS, 2015.
42. Kim A. V. Qualitative network analysis in the strategy of mixing methods in the social sciences: A systematic literature review. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya: 4M)*, 2021, vol. 2, no. 53, pp. 83–116. (In Russian)
43. Diani M., Mische A. Network approaches and social movements. *The Oxford Handbook of Social Movements*, D. Della Porta, M. Diani (eds). Oxford, Oxford University Press, 2015, pp. 306–325.
44. Mische A. Partisan performance: The relational construction of Brazilian youth activist publics. *Social Movement Dynamics: New Perspectives on Theory and Research from Latin America*, M. von Bülow, F. M. Rossi (eds). London, Routledge, 2016, pp. 43–71.
45. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York, Anchor Books, 1959.
46. Fuhse J., Gondal N. Networks from culture: Mechanisms of tie-formation follow institutionalized rules in social fields. *Social Networks*, 2022. (In print)
47. Fuhse J., Stuhler O., Riebling J., Martin J. L. Relating social and symbolic relations in quantitative text analysis. A study of parliamentary discourse in the Weimar Republic. *Poetics*, 2020, vol. 78, art. 101363.
48. Crossley N. Relations-In-Process: In honour of François Dépelteau. *Digithum*, 2020, no. 26, pp. 1–14.
49. Crossley N. A dependent structure of interdependence: Structure and agency in relational perspective. *Sociology*, 2021, vol. 56, no. 1, pp. 166–182.
50. Donati P. *Transcending Modernity with Relational Thinking*. London, Routledge, 2021.

Received: November 1, 2022

Accepted: April 28, 2023

Author's information:

Daniil I. Kovalev — Master Student; dkovalev2301@mail.ru